

Как чествовали Пушкина в царской России

Сейчас, когда вся наша страна готовится к юбилею Пушкина, небезинтересно вспомнить, как праздновали память величайшего русского поэта до революции.

В статье И. Н. Розанова «Народная тропа» (О славе Пушкина)¹ прослежены колебания славы Пушкина при его жизни и после его смерти.

Характерен следующий приводимый И. Н. Розановым факт: В 1845 году во всех газетах и журналах появилось объявление: «Продается по весьма уменьшенной цене сочинение Александра Пушкина — 11 томов вместо прежних пятидесяти рублей ассигнациями за экземпляр на простой бумаге — восемь рублей серебром. Отдельно три части (9, 10, 11) вместо двадцати пяти рублей ассигнациями за четыре рубля серебром». Таким образом, в 1845 году рыночная цена на Пушкина понизилась вдвое.

«...Некоторое оживление возбудило первое научное издание сочинений великого поэта, под редакцией Анненкова, в 1855 году, но потом охлаждение стало сказываться еще заметнее»...

Переломным моментом был год 1880-й. В этом году был открыт памятник Пушкину в Москве на Тверском бульваре (ныне площадь Пушкина).

Открытие памятника было настоящим литературным праздником, но, как правильно замечает И. Н. Розанов, это был праздник писателей и интеллигенции. Ни рабочие, ни крестьяне, естественно, не могли принять участия в чествовании памяти великого поэта.

К открытию памятника готовилась не только интеллигенция, но и полиция.

Московский градоначальник писал к графу Лорис-Меликову конфиденциально:

«Милостивый государь, граф Михаил Тариелович! На письмо вашего сиятельства от 18 минувшего мая (1880 г.) за № 446. Имею честь уведомить вас, ~~милостивый государь, что~~ о принятии совершенно негласно мер к недопущению каких бы то ни было противозаконных проявлений и к установлению должного наблюдения за ли-

¹ См. в книге И. Н. Розанова, Литературные репутации. М., 1928 г.

цами, навлекающими на себя подозрение и могущим дать повод к каким-либо противоправительственным манифестациям при открытии в Москве памятника поэту Пушкину, московским обер-полицеймейстером, вследствие указаний моих, предписано циркуляром по полиции учредить с 1 текущего июня ежедневный обход полнцейскими офицерами всех гостиниц и меблированных комнат с тем, чтобы все пустые номера в них были на особой отчетности и все прибывающие туда лица вносились в списки, которые с отчетного числа доставляются каждый вечер обходящими офицерами в его канцелярию и также сообщаются в московское губернское жандармское управление, так что все лица, прибывающие в гостиницы и меблированные комнаты, известны как полиции, так и жандармскому управлению; затем вменено в обязанность квартальным надзирателям внимательно следить за всеми обывательскими домами, где группируется учащаяся молодежь или куда могут прибывать и укрываться подозрительные лица, и иметь за ними строжайшее наблюдение, донося тотчас же о всем замеченном, а также предписано по полиции обратить особенное внимание на предъявляемые к прописке письменные виды лиц, прибывающих сюда в это время, и следить сообща за каждым подозрительным лицом. Кроме того начальнику м. губ. жандармского управления сообщен список лицам, ожидаемым в Москву в качестве депутатов от разных учреждений и обществ, для присутствования на торжестве открытия памятника. С 5 июня по 9 число назначены пешие и конные патрули от войск по всем частям города; в день же открытия памятника на площади Страстного монастыря будет достаточный полицейский и жандармский наряд с особым резервом.

Независимо же от всех мер этих даны надлежащие указания по предмету должных наблюдений как всем частным приставам и квартальным надзирателям, так и особым известным лицам. Одновременно с таковыми распоряжениями по наружной полиции со стороны начальника Московского губернского жандармского управления по моему предложению учреждено негласное наблюдение за теми лицами, которые окажутся подозрительными в своей благонадежности, а также будут находиться доверенные лица в среде участвующих на празднествах.

Еще до открытия памятника Пушкину на Тверском бульваре был организован пушкинский праздник в саду «Эрмитаж». Устройателем этого праздника был прославленный в свое время постановщик феерий — «маг и волшебник сцены» Лентовский.

Приведу один из наиболее живых и подробных отчетов о пушкинском вечере в «Эрмитаже» по газете «Голос»:

«С утра по небу бродили тучки; порывистый и вовсе уж не летний ветер тоже не обещал сделать вечер особенно приятным; наконец в семь часов пошел дождь. Прощай, иллюминация, фейерверк и живые картины, обещанные на открытой эстраде «круга скоморохов»!

Афиша обещает особую планировку сада по рисункам гг. Чичагова, Лева, Зальца и Наврозова.

Входная арка предназначена изображать родословную поэта. Вижу надписи: «А. С. Пушкин», «26 мая 1799 года» и... «Домик в Коломне»,

Порываюсь к домику и грустно разочаровываюсь: несколько пальто и плащов, висящих на стене под нумерками, молчаливо доказывают, что надпись сама по себе, а павильон «для сбережения верхнего платья» — сам по себе.

Иду дальше: декоративная статуя Пушкина работы Лего, недурно, хотя и аляповато.

Отделение второе: «воспитатели». Что за штука? Оказывается — лаконические вывески с именами Карамзина, Катенина, Жуковского и т. д. Просто и мило. Насупротив — полуциркуль, окруженный шестью с надписями: «Вестник Европы», «Сверчок», «Современник»... И это по-вашему тоже воспитатели Пушкина, г. Лентовский?

Главная аллея: «Пребывание в лице» гласит афиша. Оглядываюсь: кроме статуэтки амура, натягивающего лук, да стремительно бегущих к театру под зонтами посетителей — никого и ничего не видно.

...Только иллюминация — in spe — должна была выйти очень и очень оригинально. На всем протяжении главной аллеи и круглой площадки, прилегающей к левой террасе, вилась с обеих сторон широкая лента из унизированных белыми фонариками букв «Я памятник себе воздвиг нерукотворный». Должно было выйти очень эффектно, говоря должно было, так как дождь помешал иллюминации, и вместо двадцати тысяч огней мы принуждены были довольствоваться 12—15-яблочковыми свечами с прибавкою нескольких десятков фонарей.

Главная площадка сада, где театр, должна была изображать собою «славу Пушкина» — благо здесь стоит статуя славы, поддерживающая яблочковский фонарь... Статую эту гг. Чичагов и К^о окружили ореолом из фольги, а вокруг поместили надпись (тоже из гигантских, унизированных фонариками букв): «Да здравствует солнце, да скроется тьма». На столбах, поддерживающих канаты «огненного шара», покрывшего собою в этот вечер всю главную площадку — от театра до раковины оркестра и от «крута скоморохов» до бунфета — висели явровые венки с транспарантными заглавиями поэм Пушкина.

На верхней террасе театра красовалось:

Не нужно мне гремящей лиры —
Вручи мне ювеналов бич.

Над рестораном — «Пир во время чумы». Эта надпись кажется более других понравилась публике; по крайней мере к концу вечера очумевших оказалось изрядное количество.

В глубине площадки, за фонтаном выставлены были транспарантные автографы Пушкина (ну что за дрепелсть!); ближе к входу красовался самый памятник, тщательно закутанный в полотно, и у пьедестала его — большое перо из «спазовой» фольги с надписью: «подарок Гёте». Вот это уж, г. Лентовский, вы напрасно, потому что Гёте никогда пера Пушкину не дарил, а подарил его Мицкевичу.

Памятник, открытый Пушкину, в Эрмитаже, хоть бы какой провинциальной мэрии так впору. Сделан он в мастерской А. С. Козлова и поставлен в саду (за 700 рублей) самим г. Опекушиным. Формат бюста подлинный, т. е. тот же самый, что и настоящего памятника,

открытого на Тверском бульваре, постамент тоже громадный, так что в ансамбле «эрмитажный» памятник не лишен грандиозности: в нем будет, пожалуй, аршин девять-десять.

Боковые аллеи посвящены были воспоминанию о сделанных Пушкиным «путешествиях»: миниатюрные верстовые столбики украшены были транспарантными надписями: «на Кавказ и «в Бессарабию» и т. д. Вспомнив вероятно эти стихи,

Цыгане шумною толпою и т. д.

г. Лентовский поместил у пруда (реки в Эрмитаже, к несчастью, нет) цыганский табор и на ближайшем транспаранте написал: «в Бессарабию».

«Круг скоморохов» был окружен новыми надписями, преимущественно из пушкинских сказок.

«Кончина Пушкина» (седьмое и последнее отделение) должна была последовать, по указаниям афиши, за прудом; последовала ли она — не знаю, да и вероятно никто не узнал, так как ветром сбило фейерверочный щит и переправляться на ту сторону пруда, благодаря дождю, желающих не оказалось.

Заглавия мелких стихотворений и рассказов Пушкина разбросаны по всему саду; остроумие г. Лентовского не оставило даже самую дальнюю аллею, здесь скромно приютился черный транспарант с белой надписью: «L'Escamoteur».

Как легко заметить по этому описанию, «эрмитажное» празднование Пушкина было обставлено с чисто купеческой роскошью, и целью его было развлечение почтеннейшей публики, а не популяризация произведений великого поэта.

Торжество по случаю открытия памятника Пушкину началось в 10 часов дня 6 июня богослужением в Страстном монастыре.

Достоевский, присутствовавший на торжественной панихиде, писал своей жене: «Служил митрополит Макарий; в конце службы он говорил проповедь на ту простую тему, что нужно благодарить бога, пославшего нам Пушкина и нужно молиться богу, чтобы он даровал нам для всяких других поприщ подобных сильных деятелей».

В отчете газеты «Неделя» (1880, № 24) было отмечено: «После литургии и панихиды по Пушкину, митрополит Макарий произнес слово, в котором назвал настоящий день «светлым праздником русской поэзии и русского слова».

После окончания панихиды торжественная процессия двинулась из Страстного монастыря на площадь под звуки гимна «Коль славен».

«...Кругом памятника, закрытого белой пеленой, красовалась гирлянда из зелени, на которой симметрически были расположены на белых щитах, также обвитых зеленью, названия важнейших произведений Пушкина. Правее памятника возвышалась эстрада, покрытая красным сукном. Здесь должна была произойти передача памятника от комитета городского управлению. На пути от Страстного монастыря к памятнику шпалерами расположились городские цехи со своими знаками и многочисленные депутаты с венками в руках... По всей площади

виднелись флаги красно-бело-синие, на которых золотыми буквами были означены названия разных учреждений, обществ, приславших депутации на праздник» («Неделя» 1880, № 24).

«...Резкий ветер играет флагами и колышет белое покрывало, скрывающее монумент, в воздухе чувствуется холод, по небу ползут угрюмые серые тучи. Несмотря однако на это, на местах на ближних улицах, на окнах и на крышах соседних домов — масса народа, собравшегося отдать святой долг тому, кто «чувства добрые в нем лирой пробуждал». Но вот служба в церкви кончилась и сама природа как будто ожидала этого момента, чтобы осветить праздник певца. Кончилась грустная панхида, порывистый ветер разогнал бродившие по небу тучи и затих, теплом повеяло в воздухе...» (журн. «Развлечение»).

После того как принц Ольденбургский, присутствовавший на торжестве в сопровождении статс-секретаря Сабурова и членов семейства поэта, дал знать об открытии памятника, началось возложение венков на пьедестал.

8 июля состоялось торжественное заседание Общества любителей российской словесности, на котором Достоевский произнес свою знаменитую речь о Пушкине.

На втором пушкинском вечере в Благородном собрании также участвовали Достоевский и Тургенев.

Приведу программу вечера по газете «Современные известия».

1) Увертюра оперы «Руслан и Людмила» Глинки, орк. под управлением Н. Г. Рубинштейна...

3) «Моцарт и Сальери» — чтение Д. В. Григоровича...

5) «Зима» — стих. Пушкина — И. С. Тургенев...

8) «Битва у Зеницы Великой. Песня о Георгии Черном, сказка про бурю медведицу» — Ф. М. Достоевский. Дальше — пение и в конце «Пророк» — Ф. М. Достоевский.

Любопытен приведенный в одной газете перечень приветственных телеграмм и писем, присланных в Москву ко дню торжеств: из-за границы были присланы телеграммы от швейцарского писателя Ауэрбаха, от английского поэта-лауреата Теннисона, от филолога слависта Ягича (Берлин). Дальше идут адреса: от дворянства Псковской губернии, от императорского Александровского музея, от Петербургского городского общества, от редакции журнала «Детское чтение», от Петербургского кружка любителей музыки и даже от Международного телеграфного агентства.

В провинции открытие памятника Пушкину не вызвало почти никакого резонанса. Бóльшее значение для широких масс читателей имел пятидесятилетний юбилей со дня смерти Пушкина — в 1887 г., когда истек срок права литературной собственности на сочинения Пушкина и сразу же вышло несколько дешевых изданий великого поэта.

Наиболее торжественно был отпразднован столетний юбилей со дня рождения Пушкина — в 1899 г., но на этом празднестве наиболее ярко проявились все нелепые и уродливые формы интерпретации великого поэта в царской России.

Огромный документальный материал о пушкинском юбилее 1899 г. производит чрезвычайно тяжелое впечатление.

«Празднование Пушкинского юбилея началось 26 мая повсюду в Петербурге торжественными богослужениями и панихидами по Пушкину, — пишут «Русские ведомости» (1899, № 145). — В церкви придворно-конюшенного ведомства по инициативе комитета С.-петербургской печати, образованного для устройства празднеств в честь Пушкина, совершенно было богослужение. В смысле чествования памяти поэта писателями оно не отличалось особенной торжественностью: ни на заукокойной литургии, ни на панихиде почти никого не было; мы заметили из присутствующих лишь Н. К. Михайловского да С. В. Максимова».

Перед панихидой петербургский митрополит Антоний произнес весьма прочувствованную речь, которая была впоследствии издана отдельной брошюрой. В этой речи митрополит Антоний охарактеризовал Пушкина, как человека грешного, но с «христианским» смирением признал, что «мы должны с любовью искать в грешном человеке не грехов, без которых он не бывает, а святого семени добра, таящегося в нем под греховной оболочкой. Есть единственный момент в жизни, когда во всем своем истинном достоинстве без всякой наносной лжи скажется личность человека. Это момент смерти».

Таким образом Пушкину было обещано прощение грехов за его мученическую смерть.

В Петербурге праздник памяти Пушкина был оформлен в казенно-ведомственном стиле.

Та же газета пишет: «На обычном сером фоне выделялась только Пушкинская улица, которая приняла сегодня очень нарядный вид. На Невском проспекте при самом въезде на Пушкинскую улицу была поставлена арка, составленная из двух групп высоких мачт, обвитых зеленью и цветною материею и соединенных красным сукном. На центральной широкой ленте вышиты золотом стихи Пушкина: «К нему не зарастет народная тропа». Все это обильно украшено городскими гербами и арматурами. Вся Пушкинская улица декорирована массою мелких флагов; площадь, на которой находится Пушкинский сквер с памятником поэту, представляет эффектную картину: со всех угловых домов этой площади тянутся гирлянды из флагов, пересекающиеся в центре над самым памятником, к которому спускается огромная хоругвь».

Одной из самых характерных особенностей юбилея 1899 г. было настойчивое перетолковывание или, точнее, искажение литературного наследия Пушкина. Великого поэта упорно гримировали то под служителя чистой красоты, то под дворянского певца, преданного царю, то под православного христианина.

Вот несколько наиболее эффектных примеров.

«Сегодня (28 мая 1899 г.) в Колонном зале Благородного собрания происходило второе торжественное заседание Общества любителей российской словесности, открывшееся речью кн. Д. И. Цертелева «Взгляды Пушкина на поэзию», в которой оратор доказывал, что

Пушкин — представитель чистого искусства; в его поэзии нет никакой примеси тенденции, и гражданские мотивы не заглушают служения красоте. Князь Цертелев закончил речь декламированием стихотворения графа Алексея Толстого «Против течения» (газ. «Сын отечества», 30 мая 1899, № 143).

Эта эстетская ультрареакционная точка зрения на Пушкина, выраженная Цертелевым — эпигоном «серебряного периода» русской дворянской лирики (Фет, Майков), была еще резче сформулирована некоторыми представителями нового течения — символизмом.

Сологуб писал: «Не обидно ли, что великое имя становится достоянием толпы, у которой попрежнему нет ничего общего с тем, кто носил это имя. Непонимание «тупой черны» столь же грубо, как и в старину, и ее низменные помышления столь же, как и в прежние дни, далеки от чистых дум поэта... Зачем этот праздник, все эти жалкие торжества, эти спектакли, гулянья, чтения и пения, флаги, фейерверки, колокола, пушки — и что там еще будет? Лишь оскорбительны для великой памяти эти надуманные поминки, вызванные не свободным и неудержимым подъемом общенародного духа, а простою календарною справокою литературных гробохраниелей» («Мир искусства», 1899, № 13—14).

В Херсоне некий А. Зеленецкий выпустил к юбилею брошюру, в которой дал следующую характеристику Пушкина: «Пушкин в своих творениях выразил веру в бога. Он верил в идеал царя, отмстителя неправдам, защитника угнетенным, милосердного к падшим. Он верил в историческое призвание своей страны родной. Он призывал милость к падшим и пробуждал добрые чувства. Все это идеалы, которые, несомненно, в душе своей носит русский народ. Настроение его поэзии было христиански-оптимистическое. Таков в сущности русский народ».

Эта точка зрения на Пушкина, не подтверждаемая ни творчеством поэта, ни фактами его биографии, повторяется с небольшими вариациями в бесчисленном множестве юбилейных речей.

Жестоко расправился с Пушкиным майкопский протоиерей Соколов в своей речи к школьникам:

«Знаете, кто был этот раб божий Александр! Это был поэт. Он всю жизнь свою пел песни и многие из них не нравственные, о которых сам потом жалел. Смеем ли мы молиться за такого человека? Да, смеем; христианская церковь, как любящая мать, всех приемлет к себе и позволяет молиться за падших сынов своих. И разбойник на кресте покаялся и был прощен. Итак, он пел песни, раб божий Александр. И вы, дети, воспитываетесь в школе на этих песнях, и между тем о многих из них он сам хотел, чтобы они канули в Лету. Только неучи, недоучки, недоросли могут приходить в восхищение от такой сказки, как сказка о работнике Балде. И эту сказку читают иные педагоги в школах. Только разве это педагоги — это наемники продажные, которых на пороге школы не следует пускать. Пушкин умер христианином... Умер Пушкин христианином по желанию царя, который послал ему священника. Помолимся же, дети, о рабе божием Александре; молитесь о нем постоянно и везде; он сильно нуждается

в ваших чистых детских молитвах» («Кубанские областные ведомости»).

Сказка о попе и работнике Балде, оскорбительная для майкопского священника, оказалась предосудительной и чиновникам Саратовской губернии. По распоряжению местного директора народных училищ эта сказка была вырезана из собрания сочинений Пушкина, раздававшегося в начальных и городских училищах, «а начало и конец сказки, которые вырезать было нельзя без ущерба для других произведений, замазаны типографскою краскою так, как это делается с забракованными цензурой местами в заграничных изданиях; вместо зловерной сказки «О попе и работнике Балде» получилось грязное пятно»... («С.-Петербургские ведомости», 5 июня).

Своеобразно отозвались на юбилей Пушкина некоторые «главы» городов и учреждений.

В белгородской думе рассматривался вопрос о чествовании памяти Пушкина. Предложение комиссии об ассигновании на празднование пушкинского юбилея ста рублей вызвало, по словам «Южного края», бурю негодования. Как? Сто рублей городских средств тратить на какого-то там Пушкина? Гласный Ф. В. Мачурин выступил с открытым протестом.

— Что нам Пушкин? Какой там Пушкин? Мало ли какие там есть Пушкины? Все это газеты повдумывали... пишут... обезьяны мы! Много таких Пушкиных у нас есть...

...Выручает гласный Н. П. Ильинский: «...У нас официально решено открыть народные чтения,— так вот купить несколько картин к произведениям Пушкина и устроить чтения, юбилейные чтения. На это понадобится каких-нибудь тридцать пять рублей, а память Пушкина будет закреплена навеки. Вот и все. Больше ничего и не надо. А главное — всего тридцать пять рублей». Этим закончился пушкинский вопрос в белгородской городской думе («Северный край», Ярославль, 24 мая).

Серпуховская дума постановила: «В виду того, что Пушкин ничего особенного для Серпухова не сделал, ходатайство директора гимназии об учреждении в память Пушкина городского училища отклонить» («Новости», 26 мая).

Идея служащих Екатерининской железной дороги отпраздновать память Пушкина провалилась, потому что начальство службы тяги вынесло постановление о том, «что г-н Пушкин никогда по министерству путей сообщения не служил и что чествовать так или иначе его — дело писателей, а не железнодорожных агентов» («Сын отечества», 15 июня).

Как это ни странно, но и писатели не проявили особой инициативы в праздновании памяти Пушкина. В брошюре А. И. Фарезова «А. С. Пушкин и чествование его памяти» (СПб, 1899) говорится: «В Петербурге было заметно отсутствие на торжествах наиболее видных деятелей литературы... Вечером 25 мая у «Ковтана» состоялся банкет и знакомство журналистов, прибывших из-за границы на празднество; но из русских литераторов присутствовали очень немногие: гг. И. И. Ясинский, Я. Гуревич, В. В. Комаров, Н. Э. Гейнце, А. Г. Блюх,

Г. Б. Глинский, С. Проппер, редактор газеты «Народ», И. Стечкин, А. М. Лесман, Прокофьев, Я. М. Гатбург» (стр. 20).

В Москве на пушкинских вечерах выступали не писатели, а преимущественно профессора-словесники и историки: Стороженко, Кирпичников, Веселовский, Ключевский и др.

В слободе близ села Михайловского был устроен пушкинский праздник, но по словам корреспондента газеты «Сын отечества»: «Дорого стоившие постройки, трехцветные ковры, ненужные лестницы и т. п. похитили так много денег, что для народного (подчеркнуто газетой.—В. Т.) удовольствия, для просвещения массы, о котором столько говорилось, очевидно, уже нехватило средств. «Все для господ! Все по билетам! А нас никуда не пускают!» — вот что слышалось со всех сторон, а если приехавшие гг. корреспонденты слышали иные речи — завидую им!».

Мы не исчерпали еще и десятой части материала о юбилее Пушкина, но и приведенного достаточно для того, чтобы представить себе, какие формы принимало празднование памяти Пушкина в чиновничье-помещичьей России.

РЕДАККОЛЛЕГИЯ: И. Гронский, С. Динамов, К. Зелинский, Б. Иллеш, В. Кирпотин, В. Киршон, Г. Лебедев, М. Розенталь, А. Серафимович, В. Сутырин, Е. Усиевич и П. Юдин.

Отв. редактор П. Юдин

Отв. секретарь М. Розенталь

Техредактор Е. Смирнова

Адрес редакции, Москва, 9. Тверской бульвар, 25. Тел. 5-44-43.

Уполн. Главлита В—6424. Тираж 25 000 экз. Сдано в произв. 3/1—37 г. Подписано к печати 15/1—37 г. Количество листов 15¹/₄. Бумага 62×94 с/м. Зак. 2

18 типография треста «Полиграфкнига», Москва, Шубинский, 10.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК

Е Ж Е М Е С Я Ч Н Ы Й
Ж У Р Н А Л
ЛИТЕРАТУРНОЙ ТЕОРИИ
КРИТИКИ
И ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

К Н И Г А
П Е Р В А Я

Г О С Л И Т И З Д А Т
1 9 · Я Н В А Р Ь · 3 7